

УДК 94(47).045

**НИЖНИЙ НОВГОРОД В СУДЬБЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАРСКИХ ЦАРЕЙ
И ЦАРЕВИЧЕЙ В РОССИИ РУБЕЖА XVI–XVII вв.**

© 2014 г.

А.В. Беляков

Рязанский филиал Московского государственного университета путей сообщений

feb@gu.ru

Поступила в редакцию 23.04.2014

Предпринята попытка установить роль Нижнего Новгорода в судьбе служилых татарских царей и царевичей в России рубежа XVI–XVII вв. Сделан вывод о том, что город до начала XVII века играл роль своеобразных восточных ворот России. Через него проходили основные торговые и дипломатические пути на Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию. Поэтому временное проживание отдельных статусных лиц в городе было не случайным.

Ключевые слова: Нижний Новгород, Чингисиды, Россия XVI–XVII вв.

Нижний Новгород находится на пересечении речных путей из Астрахани в Москву. Благодаря этому, если ехать из понизовых городов и Сибири в столицу или обратно по воде, как по Волге, так и по Оке, он обязательно встанет у вас на дороге. Его стены видели восточных купцов, посольства мусульманских правителей, выходцев с Востока, стремившихся поступить на службу к московскому государю. В данном случае мы будем говорить о той роли, которую Нижний играл в судьбе многочисленных служилых царей и царевичей, живших в России на рубеже XVI–XVII вв. В подавляющем большинстве это потомки Чингисхана (Чингисиды) [1], хотя также известны представители иных династий. Разберем каждый случай в отдельности. При этом оговоримся сразу – нас не интересуют те случаи, когда тот или иной царь или царевич останавливался в городе по случаю участия в русско-казанских военных конфликтах. Разберем все известные нам сюжеты.

Зиму 1590/91 г. в городе провел шарманшанский царевич Шихим (Шейх-Мухаммед б. Мухаммед). Нами было сделано предположение, что царевича следует отнести к династии Джанидов [1, с. 77]. Однако И.В. Зайцев считает, что данный царевич, скорее всего, не относится к Чингисидам. По мнению исследователя, это скорее выходец из Гиляна (юго-западное побережье Каспийского моря). Здесь находились два вассальных по отношению к Персии ханства – Бийэ-пиш («Ближний берег») и Бийэ-пас («Дальний Берег»). После ряда попыток отстаивать внутреннюю самостоятельность оба ханства были уничтожены шахом Аббасом в 1590–1592 гг. Вскоре лахиджанский Ахмед-хан овладел всем Гиляном и поднял против Аббаса восстание вместе с прежним гилянским владетелем

Мухаммедом-Эмином. Отряд, посланный против них Аббасом, вынудил обоих бежать в Ширван, где они запросили османской помощи. Мухаммед-Эмин вскоре умер по дороге в Гянджу, а Ахмед-хан отправился в паломничество и скончался в Неджефе (священный город мусульман-шиитов в Ираке). Шихим вполне мог быть сыном Мухаммед-Эмина или даже самого Ахмеда [2, с. 21–23]. Косвенно предположение И.В. Зайцева подтверждает и тот факт, что Шихим не присутствовал ни на одной встрече персидских послов в Московском Кремле. Однако в настоящий момент еще рано делать окончательные выводы.

Из посольских книг известно, что 28 августа 1589 г. царевич вместе с послом гилянского хана Ахмеда «торговым человеком» Ходжой Хасаном (Хозя Асан) пришел в Астрахань. Отсюда они отправились в составе большого каравана, состоящего из русского посланника в Персию Г. Васильчикова, персидского и ургенчского послов. Первого ноября они уже были в Казани. В это время царь Федор Иванович собирался в поход против шведов. Поэтому иностранных послов и царевича велено было до особого указа задержать в Нижнем Новгороде. Для их встречи отправили Дмитрия Федоровича Тургенева. При этом Тургеневу были даны следующие инструкции. Ему следовало на встрече с царевичем сказать, что его послали к царевичу из Москвы, с тем, чтобы корошеваться с ним. Средства на содержание послов и царевича (корм, деньги «на мелкое», мед и вино) брались из нижегородских доходов. А вот более дорогие «красные меды» посылались из столицы [3, с. 8–12]. 17 марта 1590 г. Д.Ф. Тургеневу вместе с послами и царевичем велено было санным путем ехать в Ярославль [3, с. 12–13].

В этом сюжете для нас интересны несколько моментов. При первой встрече с Шихимом Тургеневу велели сказать, что его послали от окольных. Сам он в данное время служил «в выборе» по Воротынску с поместным окладом в 600 четей [4, с. 337]. Можно предположить, что исходной точкой для такой «рекомендации» послужило то, что в Касимове при царе Шах-Али и, возможно, при Саин-Булате б. Бекбулате всегда находились представители Москвы, в основном в ранге окольных [5]. В данном случае Нижний Новгород стал местом первой встречи. Для выезжих царевичей она, как правило, проходила на подступах к Москве.

Второй интересующий нас момент – почему царевича и послов остановили в Нижнем, а не в Казани или же Ярославле. Зимнее время не могло быть главной причиной (Г. Васильчиков продолжил путешествие по санному пути). Можно предположить, что Нижний Новгород в это время рассматривался как первый собственно «русский» город на пути из Астрахани и Казани, формально являвшимися центрами одноименных царств. Как подтверждение этого тезиса можно привести иной пример. По настойчивым просьбам ногайского бия Иштерека мирзу Джан-Арслана б. Уруса, имевшего строптивый характер и собиравшегося мириться с потерей возможности самому стать бием, 12 октября 1614 г. привезли из Астрахани в Казань, где разместили в соответствии с его высоким статусом [6, с. 338]. Здесь мирза вновь размещен у некой незримой черты. Но на этот раз с противоположной стороны. Тем самым подчеркивалось, что он остается в регионе Поволжья, а не вывозится собственно в Россию.

В результате очередного династического кризиса в Крыму в русские земли в середине 80-х гг. XVI в. бежали три царевича – Сеадет-Гирей, Мурад-Гирей и Сафа-Гирей, дети Мухаммад-Гирея II. Несколько позднее Сеадет и Сафа окажутся на Северном Кавказе. Мурад-Гирея решено было через Астрахань послать в Москву к православному царю. После длительных переговоров Гиреям дали обещание оказать материальную и военную помощь в отвоевании юрта своего отца. А пока Мурад-Гирей становится служилым царевичем и посылался на житье вместе со своим двором в Астрахань. Здесь ему следовало «послужить» московскому государю и доказать свою преданность, собрав под свои знамена значительные военные силы, состоящие из Больших и Малых ногаев, черкесов, а также терских, волжских, донских и уральских казаков. В России, конечно же, не собирались ввязываться в войну за «Крымское наследство». Но почему бы не использовать царевичей

в своих целях [7]? И здесь, как мы увидим, Нижнему Новгороду было отведено свое место.

Мурад-Гирей непосредственно в Нижнем Новгороде не проживал. Однако косвенные данные позволяют нам предположить, что город сыграл определенную роль в судьбе царевича. В Строгановской редакции Нижегородского летописца читаем: «Лето 7093-го (1594/95 г. – А.Б.) Приехал к Москве царевич крымской Мурат Киреев сын Девлеткиев государю, царю служить» [8, с. 142]. Интерес провинциального летописца к данному событию, очевидно, был вызван его явной экстраординарностью. Пути первого и последующих визитов Мурад-Гирея из Астрахани в Москву пролегли через Нижний. Но отмечено данное событие единожды. Возможно, причиной этого послужила пышная встреча, оказанная ему здесь по приказу из столицы. Но в таком случае летописец объединил воедино два события: дорогу царевича в Москву летом 1585 г. и торжественное его водворение в Астрахани в 1586 г. В противном случае получается, что уже в 1585 г. у Москвы были более чем определенные виды на Мурад-Гирея, и ему хотели польстить необычайно пышным и торжественным приемом на всем пути следования от Астрахани до Москвы. Если мы предположим торжественную встречу царевича в Нижнем Новгороде в 1586 г., то тогда мы вправе допустить подобное развитие событий и в иных городах, мимо которых он проплывал. В противном случае получается несколько нелогичная ситуация, когда в одних городах Мурад-Гирею устраивают торжественный прием как человеку, обладающему неким особым статусом (лидера иноземного государства?), а в других просто не замечают [9].

Для чего была нужна такая шумиха? Помимо каравана стругов, медленно двигавшегося по Волге, в разные стороны направлялись многочисленные гонцы или же допускалась контролируемая утечка информации. Благодаря этому даже возможно просочившаяся в Крым информация о «польском» походе могла рассматриваться там как очередная дезинформация, призванная прикрыть подготовку крупномасштабного похода на Крым. К царевичу еще по дороге стали стекаться казаки, а по приезде в Астрахань к нему потянулись многочисленные ногайские мирзы.

Таким образом, краткое сообщение нижегородского летописца позволяет нам реконструировать многоуровневую игру, затеянную в Москве [9, 10].

В дальнейшем события развивались вокруг вдовы царевича Мурад-Гирея царицы Иртуган (Ертуган), останков ее мужа и судьбы татар

двора царевича. Крым регулярно требовал отпустить их. Москва не возражала, но ставила этот шаг в прямую зависимость с обменом большими послами на посольском размене. Но обострение после похода 1591 г. русско-крымских отношений препятствовало этому. Тем не менее вопрос об отпуске Ертуган затрагивался во время всех русско-крымских переговоров. Договориться удалось только в августе 1593 г., когда были окончательно определены время и место посольского съезда и размена. В этих переговорах активное участие принимал повторно прибывший в Москву Ямгурчей аталык. К этому времени царица со своим двором оказалась в Нижнем Новгороде. Здесь у нее имелся свой двор, состоящий более чем из 30 татар, а также «боярынь, жонок и девок». Часть татар по неизвестным причинам перевели на жительство в Ярославль и Владимир. Следует отметить, что и в XVII в. именно эти города (в первую очередь Ярославль) являлись местом проживания наиболее знатных выезжих мусульман и их потомков. При этом какое-то их имущество, «рухлядь», находилось на ответственном хранении у пристава, осуществлявшего общий надзор над царицей и ее людьми и снабжение их всем необходимым воеводой Григорием Васильевичем Волынским. Ертуган и ее двор, судя по всему, получали поденный корм и питье из нижегородских доходов. Так, для путешествия в столицу на подъем на всех дали 90 рублей. Москва торопилась. Царице с приставом велели ехать, не мешкая, на колымаге и телегах через Владимир. В Москве Ертуган следовало появиться не позднее Покрова. Ее двор должен был передвигаться не так быстро. При этом, несмотря на спешку, для путешествия было все продумано. Так, с толмачом Вельямином Степановым, отправленным в Нижний Новгород с сообщением о вызове царицы в столицу, передали сукно для обивки колымаги [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 77 об. – 98]. Огланы – это представители дома Джучи, не принадлежащие к семье правящего хана в то время, когда во второй половине XV – первой половине XVI в. в государствах – осколках Золотой Орды укрепился династический (семейный) принцип передачи власти над родовым. Мужчины правящего дома именовались султанами (царевичи в русской традиции) [11, с. 32].

Здесь особо следует отметить тот факт, что во дворе царицы Ертуган значились и иные Чингисиды. Это Тохтар улан, входивший в состав дворов в изгнании крымских Гиреев (Муррад-Гирей и, возможно, его брата Саадет-Гирей). После смерти царевичей и отпуска их жены, царицы Ертуган, в Крым оглана оставили

в России, он содержался во Владимире (в тюрьме?) [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 88 об.]. Еще один член двора Гиреев в России, Магмет-Али улан и его жена Авни-салтан, были отпущены с царицей Ертуган в Крым осенью 1593 г. [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 88, 219 об. – 222].

В Смутное время в городе проживал сибирский царевич (так в документе, хотя в более поздних источниках он называется царем сибирским) Али б. Кучум со своей семьей. В документе он упоминается 15 апреля 1609 г. [12, с. 170–171; 13, с. 43], хотя появиться в городе он должен был несколько раньше. Чингисид застрел в городе по дороге из Сибири в Москву. В марте 1607 г. в плен взяли мать Али. 24 июля захватили жену Али, двух его сыновей (Кутлуган и Янсюер), двух жен Азима (Хаджим, Чувак?) с двумя дочерьми (среди них – мать и дочь Карачай (Карачаца) и Алтын) [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1615 г. Д. 4. Л. 18; Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 9; 14, 151–153] и сестру Али. 15 ноября 1607 г. в Тюмень вышел тесть царевича Чувака б. Кучума Евбулай с женой и детьми. Летом 1608 г. в Тюмень вышел Алтанай б. Кучум (сам царевич утверждает, что вышел в Тобольск) [15, с. 34; 16, с. 37]. Приблизительно в это же время оказались захваченными в плен царь Али и его брат Азим [16, с. 42]. Алтанай с царицами попытался добраться до Москвы через Вологду. Однако в конечном итоге оказался в Новгороде вместе с боярином князем М.В. Шуйским [15]. Мать, жена и дети Али, судя по всему, задержались в Нижнем Новгороде, где и встретились с ним через некоторое время. Безопасный путь в Москву был отрезан. Поэтому временное пребывание в Нижнем Новгороде сибирского царя и его семьи было признано наиболее безопасным. Судя по всему между Москвой и Нижним завязалась переписка о дальнейшей судьбе семьи. Василий Шуйский пожаловал Али и двух, по-видимому, тогда еще несовершеннолетних его детей, Хансуера и Яншика (Кутлуган?) Шельшеманской дворцовой волостью (2300 четей) в Пешехонском уезде [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. № 62. Л. 567–571 об.]. Но по понятным причинам перебраться туда семейство не могло, как, впрочем, и в мещерские поместья своих родственников. 20 мая 1613 г. была «запечатана» грамота в Касимов об отказе сибирским царевичам Азиму (Хаджиму) б. Кучуму и Хансуеру (Янсюеру?) б. Али села Рубецкого с деревнями в поместье «по-прежнему» [17, с. 120]. Следует отметить, что в настоящее время окончательно не решен вопрос с именами детей Али б. Кучума. Высказывается мнение о том, что Янсюер,

Хансюер и Канчувар – это только разное написание одного и того же имени [18, с. 198–200]. Однако источники опровергают это [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 6]. Однако следует подчеркнуть, что и сами русские документы могли путать царевичей. Поэтому здесь еще предстоят дополнительные исследования.

Чуть позднее с Нижним окажутся связанными ряд родственников Чингисидов. Именно сюда в 1620 г. сошлют родственника сибирских царевичей и одного из лидеров служилых татар Смутного времени имеддеша Исинея Карамышева сына Мусаитова [19].

Астраханскому царевичу Михаилу Кайбулину (Кайбуловичу) (Кутлу-Гирей б. Араслан-Али б. Абдула) принадлежало поместье в Нижегородском уезде – село Алексеево с деревнями (Лексеево) [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 17. Л. 99–102.]. Пожалование из дворцовых и бортовых сел было осуществлено, по-видимому, в 1619/20 г. (5 марта 1620 г.?). К селам полагались рыбные ловли с рек и озер, ясак «за белки», по другим данным за куницу, и медвяной оброк. В деревне Старом Лекееве его пожаловали кабаком и торжком, до этого их давали на откуп за 22 р. 5 к. в год [20, с. 47, 48, 50, 51, 54–56]. Князь вскоре умер. Но его семья не теряла связей с городом и уездом. В синодике Макарьевского Унженского Троицкого монастыря сохранилась запись о роде царевича Михаила Кайбуловича: «Инока Стефана схимника, царевича Михаила, иноку Александру схим[ницу], княгиню Марью, княжну Марью, Василия младенца» [21, с. 16]. Княгиня Марья — это жена царевича, Мария Григорьевна Ляпунова. Инок Стефан и инокиня Александра, судя по всему, – родители супруги царевича, Григорий Петрович Ляпунов и Алена, дочь Булгака (Анисима) Андреева Таптыкова [1, с. 110–111; 22, с. 47–48]. В таком случае княжна Мария и Василий-младенец – это дети Михаила Кайбулина. При этом Мария должна была, как минимум, пережить своего отца. Это единственное свидетельство существования детей у царевича Михаила. Дальнейшие поиски, вполне возможно, приведут к находкам вещей, ставших вкладами семьи в Макарьевский монастырь.

В Нижегородском уезде 17 февраля 1620 г. испоместили князя Бориса Пашай мирзина сына Куликова (Аблай мирза б. Пашай мирза б. князь Дербыш, из рода крымских мирз Кулюковых), внука астраханского царевича Абдуллы б. Ак-Кобека. Ему пожаловали в поместье село Сосновское с деревнями «в живущем четь без полполполчети сохи и шесть четей с полуосьминою пашни». По другим данным, села Поповское и Сосновское с деревнями пополам с князем Ле-

вонтием Шейдяковым (17 февраля 1620 г.). Им же на двоих полагались деньги с кабака и тамги. До этого эти доходы давались на откуп за 67 рублей в год [1, с. 319; 20, с. 47, 48, 50, 51, 53, 55, 56].

На этом наши знания по данному вопросу исчерпываются. Но полученные результаты позволяют поднять несколько новых исследовательских тем, непосредственно связанных с историей Нижнего Новгорода. Даже на столь ограниченном материале видно, что город до начала XVII века играл роль своеобразных восточных ворот России. Через него проходили основные торговые и дипломатические пути на Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию. Здесь делали вынужденные остановки многочисленные посольства и купеческие караваны. Здесь на время селили отдельных служилых царей и царевичей. Практику их испомещения в регионе в первой половине XVII в. в этом контексте рассматривать уже нельзя. Это совсем иные реалии. А в XV – начале XVI в. это своеобразное пограничье, место, где собственно начинается Русская земля. Но из этого вытекает тот факт, что в рассматриваемый нами период в Нижнем Новгороде должен был существовать вполне отлаженный механизм размещения и содержания подобных лиц. Возможно, для этого существовали особые дворы и специальные служители при них. Но в настоящее время информация о том, как функционировала эта система гостеприимства, у нас отсутствует.

Список литературы

1. Беляков А.В. Чингисиды в России: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
2. Зайцев И.В. Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ /Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. № 3. С. 21–26.
3. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. I.
4. Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.
5. Беляков А.В. Касимовские воеводы XVI века // Вторые Яхонтовские чтения. Рязань, 2003. С. 101–107.
6. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 320–353.
7. Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука – Восточная литература, 2013. С. 11–59.
8. Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006.

9. Беляков А.В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. 2013. Т. 13. С. 92–97.
10. Беляков А.В. Крымский царевич Мурад-Гирей в Астрахани (1586–1591 гг.): западноевропейский аспект политики Бориса Годунова на Северном Кавказе // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 18–22.
11. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула: Гриф и К, 2010.
12. Русский архив Янга Сапеги 1608–1611 годов. Волгоград, 2012.
13. Подвиг Нижегородского ополчения. Н. Новгород, 2011.
14. Трутовский В.К. Надгробные надписи из текие Афган Мохаммед Султана в г. Касимове // ТРУ-АК за 1890 г. Рязань, 1891. Т. V. Вып. 9. С. 149–153.
15. Беляков А.В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени // Мининские чтения: 2004. Н. Новгород, 2005. С. 29–60.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II.
17. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994.
18. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Ч. 3.
19. Беляков А.В. Исинея Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. Ч. 3. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. С. 82–87.
20. Приходо-расходные книги московских приказов, 1619–1621 гг. М., 1983.
21. Алексеев А.И. Древнейший синодик Макарьева Унженского Троицкого монастыря // Вест. церк. истории. 2007. № 4 (8). С. 5–41.
22. Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник: 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 35–55.

NIZHNI NOVGOROD IN THE DESTINIES OF TATAR NOBLEMEN (TSARS AND TSAREVICHES) IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 17th CENTURY

A. V. Belyakov

This article is an attempt to determine the influence of Nizhni Novgorod on the destinies of Tatar noblemen (tsars and tsareviches) in Russia at the turn of the 17th century. Until the early 17th century the city was the eastern gate to Russia on the main trade and diplomacy routes to the Caucasus, Siberia and Central Asia. Therefore, it was not accidental that some noblemen had their temporary residence there.

Keywords: Nizhni Novgorod, descendants of Gengis Khan, Russia in the 16th – 17th centuries.

References

1. Belyakov A.V. Chingisidy v Rossii: prosopograficheskoe issledovanie. Ryazan', 2011.
2. Zajcev I.V. Potomki Chingiskhana v Moskve i Stambule: sravnitel'nyj analiz /Chingisidy v Rossii: «zolotoj rod» posle padeniya Zolotoj Ordy // Rossijskaya istoriya. 2013. № 3. S. 21–26.
3. Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej. SPb., 1890. T. I.
4. Stanislavskij A.L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov. M., 2004.
5. Belyakov A.V. Kasimovskie vovody XVI veka // Vtorye Yahontovskie chteniya. Ryazan', 2003. S. 101–107.
6. Trepavlov V.V. Rossijskie knyazheskie rody nogajskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) // Tyurkologicheskij sbornik: 2002. M., 2003. S. 320–353.
7. Belyakov A.V., Vinogradov A.V. Murad-Girej – sluzhilyj Chingisid v Rossii ili pretendent na krymskij prestol? // Tyurkologicheskij sbornik: 2011–2012: Politicheskaya i ehtnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2013. S. 11–59.
8. Shajdakova M.Ya. Nizhegorodskie letopisnye pamyatniki XVII v. N. Novgorod, 2006.
9. Belyakov A.V. Doroga carevicha Murad-Gireya v Astrahan' // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vyp. 1. 2013. T. 13. S. 92–97.
10. Belyakov A.V. Krymskij carevich Murad-Girej v Astrahani (1586–1591 gg.): zapadnoevropejskij aspekt politiki Borisa Godunova na Severnom Kavkaze // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. № 10. S. 18–22.
11. Trepavlov V.V. Bol'shaya Orda – Taht ehli. Ocherki istorii. Tula: Grif i K, 2010.
12. Russkij arhiv Yanga Sapegi 1608–1611 godov. Volgograd, 2012.
13. Podvig Nizhegorodskogo opolcheniya. N. Novgorod, 2011.
14. Trutovskij V.K. Nadgrobnye nadpisi iz tekije Afgan Mohammed Sultana v g. Kasimove // TRUAK za 1890 g. Ryazan', 1891. T. V. Vyp. 9. S. 149–153.
15. Belyakov A.V. Uchastie sibirskogo carevicha Altanaya ibn Kuchuma v sobytiah Smutnogo vremeni // Mininskie chteniya: 2004. N. Novgorod, 2005. S. 29–60.
16. Miller G.F. Istoriya Sibiri. M., 2000. T. II.
17. Dokumenty Pечатnogo prikaza (1613–1615 gg.). M., 1994.
18. Vel'yaminov-Zernov V.V. Issledovanie o kasimovskih caryah i carevichah. SPb., 1866. CH. 3.

19. Belyakov A.V. Isinej Karamyshev syn Musaitov. Neizvestnyj geroy Smutnogo vremeni // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 6. Ch. 3. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2012. S. 82–87.

20. Prihodo-raskhodnye knigi moskovskih prikazov, 1619–1621 gg. M., 1983.

21. Alekseev A.I. Drevnejshij sinodik Makar'eva Unzhenskogo Troickogo monastyrya // Vest. cerk. istorii. 2007. № 4 (8). S. 5–41.

22. Belyakov A.V. Politika Moskvy po zaklyucheniyu brakov sluzhilyh Chingisidov // Tyurkologicheskij sbornik: 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskih narodov Rossii i sopredel'nyh stran. M., 2009. S. 35–55.